

Лукьянов
Андрей Андреев,
Александр Беляев

Евгений

15.07.2000

ИЗ ЗОНЫ — В КУТЮРЬЕ

Независимая газета — 2000 — 15 июля — с. 9, 17

В течение долгого времени фотокорреспондент «НГ» Петр Кассин снимал уроженца Ярославля Евгения Лукьянова — сначала, когда тот сидел в зоне по уголовному делу, а затем, когда вышел на свободу и стал популярным модельером

ЕВГЕНИЙ, судьба у вас прямо-таки для романа. Кажется, началось все после службы в армии?

— После службы в пограничных войсках я перевелся на заочное отделение Ярославского университета, где учился прикладной математике, женился. Понадобились деньги. Пошел работать на шинный завод. Понял, что у коммунистов и у демократов — одна старая болезнь: неправильное распределение доходов. Потихонечку стал «обувать» родной шинный завод. Поймали, посадили. Отсидел в следственном изоляторе три месяца. Выпустили на волю.

— А как появилась 146-я статья УК — разбойное нападение?

— Это уже было после. У меня с детства трепетное отношение к золоту. Как-то узнал, что у одного служителя церкви дома хранится крынка с николаевскими червонцами, которые ему передала бабушка на нужды церкви. Нас было четверо. Двоим дали по 6 лет, еще одному — десять с половиной (он на днях освободился), мне — девять с половиной. Попал в лагерь во времена «красного террора», по полной программе разгуливал ментовский беспредел. Посылка была положена только после отбывания половины срока. Длительные свиданки — раз в полгода. За всякую ерунду сажали в ШИЗО или ПКТ (штрафной изолятор, помещение камерного типа. — А.А., А.Б.): вышел в тапочках на улицу — тебя угрели. Приляжешь днем на постель поверх одеяла — сажают. Кормежки вообще не было: натуральная баланда. Мяса никакого... Из-за драконовского режима в 1992-ом мы девять дней держали голодовку. После нее режим ослабили.

— Чем пришлось заниматься на зоне?

— Мои родители — простые люди. Друзей у меня в криминальных структурах совсем не было. В лагере надо было обеспечивать себя самому. Начал искать доходное место. Я все умею. Могу построить дом — от начала до конца. Могу шить. Могу делать мебель. Вообще-то у меня душа лежала к деревяшкам. Но с ними много возни, надо долго обрабатывать связями... Зато на швейке все решалось проще. Вижу, один парнишка сшил на машинке из фланельки «трикушки», раз за пазуху — и вынес для реализации. Я подумал: «Чем я хуже?». Сел за машинку. Это дело понравилось. Попробовал себе из бязи сшить курточку — с первого раза получилось.

Дальше пошла череда везенья. На зоне есть «правильные менты» — те, что живут на одну зарплату и действуют с точки зрения буквы закона. Их осталось сейчас очень мало. А есть «щипачи». Рвачи. Это те, которые отжимают зека в личных целях. Зеки на них падают, делают им ножички, нарды, мебелишку — все, что годится в дом... Есть самодуры. Наглухо пробитые.

У нас хозяином в колонии был Ригерт Михайлович — Дед, как мы его называли. Сердитый, но справедливый мужик. Он относился к категории «правильных ментов», но с жизненным пониманием. Знал, когда надо следовать букве закона, а когда закрыть на него глаза. У Деда была

В Доме моды Вячеслава Зайцева.

нестандартная фигура: низенький и очень большой! Не толстый, а именно большой. Сбитень, хотя и маленького роста. Когда шел по коридору, не мог руки к телу приложить. Как-то заходил он у нашего начальника цеха себе курточку из защитного материала, штормовку. Один портной сшил — ему не понравилось. Заказал второму, третьему. Опять не понравилось. Тут я решился попробовать. Чем черт не шутит! Зашли с начальником цеха к нему в кабинет. Дед говорит: «Снимай мерку!» Я посмотрел на него и говорю: «Все! Снял!» — «На глаз сошьешь?» — «Сошью!». Ушел в цех, разложил лекала. Несколько раз ходил в штаб, подсматривал его размеры, мерил ладошкой относительно себя (чтобы не заметил!). Принес ему, он померил — села как влитая. Ну и понеслось. Начал обшивать всех подряд. Хотя заказы от милиции я прикрывал работой для осужденных. Естественно, были накладки, неприятности. По-прежнему сажали в БУР (барак усиленного режима. — А.А., А.Б.).

Отсидел полсрока — мне предложили выйти на «расконвойку». Это когда осужденные живут и работают за пределами лагеря. Как раз на «расконвойке» освободился портной, вакансия появилась. Меня очень долго «опер» на «расконвойку» не отпускали: все-таки я антирежимный субъект! На «расконвойке» жизнь

была достаточно вольготная. У меня было двухкомнатное помещение — шикарная мастерская, по моим понятиям. Наконец-то появился личный уют. Однажды приехала какая-то шишка. Ему нужно было обшить «уазик» («уазик» — это тот же «козел» с матерчатым тентом). Работали вдвоем со сварщиком. Он варил железную крышу, а я отделял салон внутри. У меня внутренний салон от пола до потолка получился как у настоящего «чероки».

— Как складывались отношения с начальством?

— Мне во взаимоотношениях с начальством всегда везло. Из «уазиков» делал такие конфетки! Выполнял индивидуальные задания: чехлы на оружие, на ножи. Лагерь, сами знаете, славится своим холодным оружием. Правда, сейчас специалистов, как раньше, уже нет. Поэтому мне кое-что прощали: я мог вставать не со всеми или ложиться, как хотел. Чего я только не делал! Производил невероятный ремонт одежды, портфелей, кожаных сумок... Закона, который бы запрещал осужденному заниматься частной предпринимательской деятельностью, как кажется, у нас нет. Если не запрещено, то можно! Я, может быть, был единственным осужденным в России, который занимался предпринимательством. Два года ходил и убеждал начальство, что надо создать цех, который будет давать прибыль. Начальство ни в какую. Тогда предложил: дайте мне разрешение на частную предпринимательскую деятельность — буду заниматься пошивом в нерабочее время. Буду платить за аренду помещения, амортизацию оборудования... Правда, недолго все это продолжалось. Но ко мне уже повадились ездить клиенты. Здесь мне помогал мой друг Олег Акулов, его подруга Лена привозила ко мне на обшив своих знакомых...

(Окончание на стр. 11)

